

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Калуга, 1997. Т.IX-XII. С.150.
² Там же.
³ Там же.
⁴ Там же. С. 167.
⁵ Там же. С.332.
⁶ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. С.79.
⁷ Там же. С.82.
⁸ Там же. С.83.
⁹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношениях. СПб. 1882. С.IX, 1.
¹⁰ Там же. С.2,7.
¹¹ Там же. С.2.
¹² Там же. С.8.
¹³ Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Иркутск, 1920. Ч.1. История дорусской Сибири. С.1, 93-95.
¹⁴ Там же. С.1-2.
¹⁵ Там же. С.3.
¹⁶ Там же. С.6.
¹⁷ Там же. С.93.
¹⁸ Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С.322-323.
¹⁹ Там же. С. 311.
²⁰ Там же. С. 311; Вернадский Г. В. Московское царство. М., 2000. Ч. 1. С. 161-169.
²¹ Савицкий П.Н. Указ. соч. С.311.
²² Там же. С. 300.
²³ Там же. С.279.
²⁴ Там же. С.292.
²⁵ Там же. С.280-281.
²⁶ Вернадский Г.В. Указ. соч. С.182-196.
²⁷ Скрынников Р.Г. История Российская IX-XVII вв. М., 1997. С.351.
²⁸ Большой энциклопедический словарь. М., 1997. С. 1091.

И.В. Скипина

РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ О ПОРАЖЕНИИ “ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ” НА УРАЛЕ ОСЕНЬЮ 1918 ГОДА

Историками не раз отмечался слабый уровень разработки роли российской интеллигенции, социал-демократии и социал-революционеров в событиях Гражданской войны. Если советской историографией интеллигенция оценивалась как сплошь контрреволюционная сила, а период лета – осени 1918 г. получил название «демократической контрреволюции», то в конце 1980-х – 2000-х гг. отношение к ним значительно изменилось¹.

В меньшевистской литературе отмечались попытки демократии реформировать российское общество в интересах человека². Сторонник эсеров

К. Буревой представлял демократию, как третью силу в революции. Однако современники увидели отсутствие у демократов реальной программы действий, опирающейся на поддержку граждан. Демократический лагерь разрывали внутренние противоречия из-за стремления каждой группировки стать у кормила власти. Даже обыватели заметили, что летом 1918 г. демократии «не доставало единства и общей программы»³.

У современников сложилось представление о Временном Уральском правительстве как органе, который поддерживали союзники в лице чехословацкого корпуса⁴. Правда, одни авторы отдавали инициативу его создания в руки российской интеллигенции, другие – Антанте, третьи считали его буфером, созданным на взаимовыгодных условиях между востоком и западом. Л. Кроль отмечал что временные правительства не смогли объединить усилий демократии, упустили время. Конфликт между Самарой и Омском продолжал углубляться. Без формирования Временного областного уральского правительства перевес сил был бы на стороне сибиряков, сильных своими областническими традициями. Буржуазия, выступавшая на стороне Временного областного правительства Урала, позволила на некоторое время уравновесить притязания Самары и Омска на всероссийскую власть. По убеждения В. Кроля, московское большевистское правительство и Временной областное правительство Урала никогда не смогли бы найти общий язык⁵.

Временные правительства, по мнению даже противников большевиков, не смогли реализовать своих программ, а только расшатывали страну. А.И. Деникин, К. Гоппер указывали на военную слабость демократии. А.И. Деникин считал Комуч так и не приступившим к государственному строительству, не смотря на то, что его лидеры притязали на всероссийскую власть. Как Гоппер называл Комуч «младенцем в военных делах», так как его лидеры стремились подчинить армию партийным установкам, не понимая, что «никому не удавалось создать боеспособную армию на демократических началах»⁶. К. Гоппер считал Уфимское совещание «патриотическим и демократическим», имеющим все основания для привлечения на свою сторону торго-

вопромышленников, но этого не произошло, состав Директории его обнадеживал, так как правительство включало искренних патриотов. Особое внимание авторы обращали на «директоров» - Н.В. Чайковского, Л. Аргунова, Н.Д. Авксентьева, В.Г. Болдырева, П.В. Вологодского, В.А. Винорова, В.Зензинова. Многие их сочинения опубликованы⁷. Современники заметили, что члены бывшего Временного сибирского правительства враждебно относились к Директории.

В материалах допроса А.И. Колчак говорил о временных правительствах, как нежизненных, так как время требовало твердого единоличного руководства, опирающегося на сильную армию. Судя по протоколу допроса А. Колчак считал «демократию» невозможной в 1918 г., Директорию «партийной» и говорил о необходимости власти, сосредоточенной «в руках главнокомандующего всеми военными силами, но при наличии подчиненного ей аппарата власти гражданской»⁸. Колчак осуждал выпады Директории против офицерства, являвшегося основной силой в борьбе с большевиками. А.А. Зайцов упрекал временные власти в расшатывании устоев российской империи, разрыве связей центра и провинции⁹.

Серьезное значение для разработки истории «демократической интеллигенции» имели труды профессиональных историков. Генерал Н. Головин, будучи в эмиграции, активно занимался анализом событий периода Гражданской войны в России. Он писал о временных правительствах лета-осени 1918 г. как не жизненных: «Даже примитивный ум мужика быстро разобрался, что представляла самарская власть». Ярким доказательством не перспективности Комуча, претендовавшего на роль лидера демократии в России, было то, что вскоре после формирования Народной армии из 50-60 тыс. мобилизованных солдат осталось 10 тыс. бойцов¹⁰. Он подчеркнул превалирование в действиях Комуча партийных, политических, а не людских интересов, что усиливало внутренний кризис правительства. Связь с интеллигенцией, не говоря уже о рабочих и крестьянах, оказалась слабой. Положение осложняла непрекращающаяся борьба между правыми и левыми эсерами, входящими в прави-

тельство. Н. Головин рассматривал борьбу Директории с бывшим сибирским правительством, как борьбу с не искоренившимся в Сибири областничеством: «Социалисты-революционеры Н.Д. Авксентьев и В.М. Зензинов были против областников, хотя и выступали за широкую автономию различных областей России. Но как только им пришлось столкнуться с организованным областничеством, они... заносят на него руку. ...Эта нетерпимость также несет на себе следы великодержавного центризма: партия не может мириться с «областным уклоном» внутри себя... Признание наличия этого неосознанного великодержавного центризма даже в психике русских левых революционеров позволяет найти более полное объяснение нетерпимому отношению эсеровского Комуча к идее образования всероссийской власти путем соглашения освободившихся волостей, т.е. добровольной федерации областей»¹¹. Н. Головин подчеркивал интуитивное стремление русской интеллигенции к великодержавию. Члены Комуча хотели создания единой и неделимой России, но «своеобразно-эсеровской». Развал Российской империи под влиянием войны и революции, по глубокому убеждению Н. Головина, привел к невозможности формирования федерации в стране. Директория не стала «реальным соглашением между враждующими политическими течениями русской интеллигенции»¹². Убийство семьи Романовых подтолкнуло общественность к реакции: «Не разбиравшееся между правыми, центристами и левыми, не отличая Н.Д. Авксентьева от В. Чернова, исстрадавшееся и измученное офицерство видело во всех социал-революционерах предателей»¹³. В. М. Зензинов, отметил Н. Головин, даже записал в своем дневнике, что каждый из пяти членов Директории представлял себя «Ваше однопятое величество» или «однопятый президент», а положение рядовых граждан ухудшилось¹⁴.

В основу политики, писал историк-эмигрант С.П. Мельгунов, партия энесов, лидером которой он был, «клала не классовую борьбу, а интересы человеческой личности как таковой», не забывая «о защите государства как целого»¹⁵. Самое большое впечатление на С.П. Мельгунова произвел красный террор: «Надо иметь действительно железные нервы, чтобы спокойно пере-

жить и переработать в самом себе весь этот ужас», «разлагающее влияние террора на человеческую психику»¹⁶. Политический террор он считал преступлением перед человечеством, демократией и социализмом. Обновить мир, по его мнению, мог только обновленный человек, который не сможет существовать в атмосфере угнетения, ужаса, крови и общественного растления.

Изучение ценностных установок, социального состава, духовного облика и общественного поведения демократической интеллигенции проводили и советские историки. Н.Е. Какурин связывал победы контрреволюции летом 1918 г. с тем, что советская власть не имела «достаточно времени для прочной советизации своего тыла»¹⁷. Демократия неизбежно «эволюционировала сторону кристаллизации генеральских диктатур, со всеми их последствиями в виде единоличного военного режима»¹⁸. После переворота мелкобуржуазные представители оказались за рамками власти.

Морально-психологический облик российской интеллигенции не являлся предметом специальных разработок большевистских историков, а ее поведение рассматривалось через призму марксистско-ленинского подхода. Интеллигенция виделась группой, далекой от рабочих и крестьян, объективным казалось движение демократии к краху, самоуничтожению и в условиях анархии неизбежному утверждению диктатуры. Историки рассматривали представителей временных властей как контрреволюционеров. В начальный период Гражданской войны, подчеркивала В. Владимирова, в авангарде антибольшевистских сил стояли социалисты – революционеры и меньшевики, а монархическая реакция «шла на вторых ролях, за правыми социалистами»¹⁹. В оценке демократии преобладали негативные черты. Их обвиняли в противопоставлении крупной буржуазии²⁰. Директория, по мнению В. Владимировой, имела «правый облик», с «примесью религиозно-правого уклона»²¹. В октябре 1918 г. Екатеринбург находился в состоянии явного «двоевластия», а то и «троевластия»²². Город являлся столицей чехов, сюда прибыл представители съезда Учредительного собрания, а гражданская власть находилась в руках

Сибирского правительства. Сильные позиции имела крупная буржуазия которая потребовала выселения «учредителей» во главе с В. Черновым из города. А. Соколов, Н. Владимиров считали демократов промежуточными, нерешительными друзьями буржуазии, терпящими поражение под ударами реакции. Отвержение массами «демократических правительств», по их мнению, естественный процесс перехода к борьбе между классами буржуазии и пролетариата. В. Владимиров считала членов Директории готовыми пойти навстречу сибирской реакции, а та ненавидела директоров только за то что среди них было два «горе-социалиста – Авксентьев и Зензинов». По мнению Н. Корнатовского, Я. Янсона, А. Анишева, у демократов не было крепкой опоры внутри страны, серьезными были и внутренние противоречия. Негодование демократов вызывали сторонники твердой руки, что усиливало противоречия внутри антибольшевистского фронта.

И. Майский считал главной опорой демократии интеллигенцию и «...партийные элементы из эсеровского и меньшевистского лагеря»²³. Анализируя ситуацию лета-осени 1918 г., он заметил, что рабочие относились к Директории «более чем прохладно», а крестьянство вообще не интересовалось событиями в городе: «Директория помещалась в небольшом двухэтажном здании ... и это было настоящим символом: так характеризовалось отношение сибирской власти к Директории... Ибо Директория являлась носителем идеи всероссийской власти, а сибиряки почти все сплошь областники». Бывшие члены Сибирского правительства изображали директоров в виде «кроваво-красных революционеров»²⁴. Аналогичное мнение высказали многие современники событий. П.В. Вологодский записал 6 октября 1918 г.: «Сегодня я посетил Директорию. Все произвели хорошее впечатление. Один только В.В. Зензиков не произвел определенного впечатления. Он все время упорно молчал. Окружающие Директорию своим внешним видом произвели впечатление отрицательное – они отдавали совдепщиной»²⁵. Борьба с осени 1918 г. стала разворачиваться между диктатурой пролетариата и «реставрацией», никакой третьей силы, стоящей по середине, подчеркивал И. Май-

ский, не было. Единственно на кого могла опереться Директория - чехи, и, если демократия не сумела собрать сил, то это не значит, что она не жизнеспособна²⁶. Теоретически он принимал возможность демократического развития страны, но этот тезис не получил развитие в советской историографии.

А. Танеев подчеркивал ведущую роль стран Антанты и чехословаков в создании Временного правительства Урала. А. Ослоновский, А. Орлов, А. Баранов, П. Быков представляли создание Временного правительства Урала сговором местной буржуазии. Р. Силлинг отмечал факты давления на рабочих со стороны этого правительства. Серьезный вклад в исследование истории временных правительств внес П. Лисовский, обратив внимание на то, что в Комуч входили все новые и новые члены, которые так и не смогли объединить политические силы вокруг правительства²⁷. В рядах антибольшевистских сил росла тяга к установлению твердой власти. Вернувшись из Омска поздней осенью 1918 г., лидер уральских кадетов Л. Кроль, отметил А. Танеев, высказался в пользу сильной власти, аргументируя свои доводы невозможностью Директории разрешить насущные задачи ни внутренней, ни внешней политики. Эсеры находились под пятой иностранцев, постепенно теряли поддержку масс, тем самым способствовали установлению военной диктатуры. С этим положением солидарен И. Тунтул: «...учредительская курица высидела Колчака». Эсеры превратились в «оруженосцев всероссийского диктатора», составляя ему сметы на взрыв мостов и складов, агитируя против большевиков, усиливая эксплуатацию рабочих и крестьян. И. Тунтул сделал вывод о невозможности самостоятельного существования «третьей силы» в условиях острой классовой борьбы: соглашатели являлись лишь подмостками для установления буржуазно-помещичьей власти. А. Ослоновский и А. Орлов заметили увядание «русской демократии», как только военным министром стал Колчак. Л. Сосновский обратил внимание на конфликт возникший между представителями мелкобуржуазных партий и колчаковцами, так как после переворота членов Учредительного собрания выслали из Екатеринбурга. Переворот не был неожиданностью, но соглашатели, не рас-

полагая реальной силой, вынуждены были отступить²⁸. Большое внимание анализу причин краха Директории уделял В.Д. Вегман. Рассматривая взаимоотношения директоров и сибирских областников осенью 1918 г. он приходил к заключению об отсутствии взаимопонимания между ними. Неудачные попытки создания «демократической контрреволюцией» новой власти он связывал с разобщенностью демократии²⁹.

В 1930-х – 1950-х гг. активных исследований роли «демократии» в истории Гражданской войны не велось. Советскую историографию пополняли произведения оценивающие роль небольшевистских временных правительств как контрреволюционную и объективно обреченную на неуспех, отражающую интересы внешней и внутренней контрреволюции. Часть населения вполне осознано встало в оппозицию большевикам. А. Голубев считал, что это произошло из-за слабого влияния большевиков на Урале и полукрестьянского сознания местного пролетариата³⁰.

Во второй половине 1950-х – 1980-х гг. появились труды о непролетарских партиях³¹. Российскую «демократию» изучали В.В. Гармиза, Г.З. Иоффе, С.Г. Лившиц, М.Е. Плотникова, Н.Г. Думова. В литературе преобладали традиционные впечатления о контрреволюции, как едином лагере, в котором демократы играли самостоятельную роль. Проблема рассматривалась в рамках классового, партийного подхода. Значительное место продолжали уделять восстанию чехословаков и событиям весны-лета 1918 г. Коллективную работу представили Ю.А. Полякова, В.А. Шишкин, Ю.В. Мухачев, Л.М. Спирин, Ф.Д. Волков, в которой проанализировали роль интервентов, и, прежде всего, чехов в событиях³². Многих россиян привлекли идеи демократов о подзаконной и ответственной перед народным представительством власти, защите политических и гражданских свобод граждан, свободе экономической деятельности, праве частной собственности, необходимости охраны государством наемного труда, развития народного образования, здравоохранения, восстановления хозяйства страны. В.В. Гармиза указал на усилившийся к осени 1918 г. кризис соглашательской политики, который выразился в

реальной невозможности правительства удерживать фронт, улучшить материальное положение трудящихся, обеспечить их безопасность. Это способствовало падению престижа мелкобуржуазных лидеров и укреплению реакции. В.В. Гармиза подчеркивал что, как только эсеро-меньшевистские правительства восстановили капиталистическую собственность, они стали не нужны диктаторам. Сходную точку зрения высказали Л.М. Спирин, Г.З. Иоффе, К.В. Гусев, считая, что среднего пути в Гражданской войне нет: неизбежно победит не демократия, а диктатура³³. Историки подчеркивали, что представители кадетов, меньшевиков, эсеров во временных правительствах нередко давали заведомо невыполнимые обещания, прибегали к методам социальной демагогии, не могли добиться единства действий в правительстве. Судя по заявлениям лидеров, они действовали в интересах «демократии»: ликвидировали советские учреждения и законы, восстанавливали экономические и политические свободы, утверждали принцип рыночных отношений, возвращали собственность прежним владельцам, разрешали легальную деятельность политических партий, за исключением большевистской. Летом 1918 г. демократы добились расположения значительной части населения. Однако вскоре, видя беспомощность власти перед нарастающими трудностями, население разочаровалось в ней. Основным результатом борьбы к осени 1918 г. стало освобождение народа от мелкобуржуазных иллюзий.

В монографии «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале», в публикациях В.М. Запольской, О.А. Васьковского, А.Т. Тертышного отмечено, что реставрация дореволюционных порядков при Временном областном правительстве Урала шла исподволь. Соглашатели использовали имидж демократии, действовали осторожно, маневрировали, прибегали к методам социальной демагогии. Власти, с одной стороны, стремились поддерживать в массах соглашательские иллюзии и не допускать обострения социальных противоречий, а с другой - позволяли буржуазии укреплять свои позиции³⁴. И.С. Капцугович, характеризовал Временное областное правительство Урала как буржуазное, с черносотенно-кадетским большинством. Уча-

стие эсеров и меньшевиков, по мнению автора, лишь прикрывало его буржуазную сущность, использовалось как трамплин для осуществления диктатуры. Меньшевики, эсеры, кадеты объединились, установив режим кнута и насилия³⁵.

О.А. Васьковский, А.Т. Тертышный видели во Временном правительстве Урала буфер между левым Комучем и правым Временным правительством Сибири, но сторонникам твердой руки удалось повернуть временное равновесие в свою пользу. О.А. Васьковский и А.Т. Тертышный предупреждали о невозможности ставить знак равенства между «соглашателями» и крупной буржуазией. Основу сторонников демократии, по их мнению, составляла интеллигенция, раздираемая конфликтами между эсерами, меньшевиками и правыми кадетами, офицерами, казаками. К концу осени 1918 г. влияние демократической интеллигенции на массы значительно уменьшилось, а желание установления твердого порядка усилилось. Однако о полном крахе идей демократии авторы не говорили. Примером сохранившегося влияния мелкобуржуазных партий на массы, по мнению Л.М. Спирина, являлись кулацкие восстания в тылу советских войск - Самарской и Симбирской губерниях. Одержатъ победу «демократической контрреволюции» не удалось. Меньшевики и эсеры потерпели фиаско, по мнению О.А. Васьковского и А.Т. Тертышного, не только в результате репрессий диктаторского режима, а еще и потому, что они оказались не способны защитить интересы мелкого собственника. Сторонники демократии постепенно теряли доверие к своим кумирам³⁶.

В 1990-х - 2000-е гг. историки стали подробно рассматривать альтернативный, «третий», не диктаторский путь развития событий. Исследователи единодушны: весной 1918 г. на территории Урала и Сибири складывались благоприятные условия для консолидации антибольшевистских сил, объединительная роль отводилась чехословакам и демократии внутри России. Однако выступление legionеров, численность которых по разным данным составляла примерно 30-40 тыс. человек, не спасло положение³⁷. В авангарде

антибольшевистских сил, как отмечали Е.П. Сичинский, Н.С. Ларьков, С.П. Васильченко, А.Д. Казанчиев, В.А. Лапандин, во время мятежа чехословаков, стояли «демократы», выступавшие в защиту завоеваний Февральской революции, их возглавлял эсеро-меньшевистский блок. Оппозицию поддерживала с той или иной степенью искренности значительная часть старого офицерства и черносотенно-монархических объединений, буржуазия и кадеты, часть квалифицированных рабочих и зажиточных крестьян. Большевики обещали защищать интересы городских тружеников, а эсеры поддерживать притязания крестьян на землю. Анализируя деятельность временных правительств, современные авторы указывают на несогласованность действий антибольшевистских сил³⁸.

Г.А. Трукан считал, что теоретически Комуч мог бы стать альтернативой большевикам. На разную ориентацию Самарского и Омского правительств указывал В.В. Журавлев. Он считал, что в Самарском руководстве преобладали эсеры-центристы, представлявшие крайне левый фланг антибольшевистского движения. В. Морозов отмечал превалирование в составе Комуча правых эсеров с вкраплением меньшевиков и беспартийных. Омичи, по мнению авторов, собрали «политический конгломерат», при доминировании правоцентристской ориентации. Роль политического буфера, считают исследователи, отводилась Временному правительству Урала. Его политическая окраска, пишет В.В. Журавлев, была «левоцентристской» с «правосибирской ориентацией». На Урале ощущалось сильное влияние сибиряков, «ходили» их денежные знаки, а вооруженные формирования подчинялись командованию Сибирской армии. Директория, стала компромиссом и выполняла роль централизации власти³⁹.

История «демократической контрреволюции» приобретает человеческое лицо⁴⁰. Серьезную роль на политической арене Урала летом 1918 г. играли кадеты: торговлей и промышленностью занимался П.В. Иванов, финансами Л.А. Кроль, юстицией П.Н. Гассон, последний считался беспартийным. Представители остальных партий оказались в меньшинстве: народный со-

циалист Н.В. Асейкин заведовал Главным управлением внутренних дел, эсер А.В. Прибылев занимался земледелием и государственным имуществом, меньшевик П.В. Мурашев проблемами труда. Областное правительство Урала отказалось от учреждения военного министерства, передав функции организации армии Временному сибирскому правительству. Рассмотрение деятельности лидеров правительств позволили авторам обоснованно утверждать, что Уральское правительство оказалось более либеральным, чем Сибирское. Постепенно шел процесс поправки уральской и сибирской демократии. Это особенно хорошо видно на примере состава Сибирского временного правительства, куда вошли П.В. Вологодский, Г.К. Гинс, И.А. Михайлов, известные своими прагматичными взглядами.

В.В. Журавлев отметил уменьшение влияния правых в Директории: двое из пяти директоров были членами ПСР. В.Г. Болдырев являлся беспартийным, В.А. Виноградов - числился левым кадетом, П.В. Вологодского он считал беспартийным центристом, представителей правых в правительстве не было. По данным М.В. Шиловского, в состав Директории входили три эсера (Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, А.А. Аргунов), кадет В.А. Виноградов, беспартийный, тяготеющий к эсерам, В.Г. Болдырев и «полукадет», «полуэсер» П.В. Вологодский. Такой состав правительства вызывал недовольство реакции. Кроме того, Директория, как считают многие исследователи, сформированная в сентябре 1918 г., состоящая из прозападных политиков, поддерживавших идеи капитализма, не нашла понимания в провинции. Солдаты тыловых гарнизонов, в основном состоящие из крестьян, не обладавших опытом Первой мировой войны, оставались равнодушными к призывам демократии. Социальная база Директории, подчеркивали Г.А. Трукан, В.В. Журавлев, М.В. Шиловский оказалась пестрой, что мешало консолидации небольшевистских сил. Директория опиралась на эсеров, меньшевиков, кадетов, примкнувшее к ним офицерство, принудительно мобилизованных в армию и чехословаков. По мнению А.В. Добровольского, Н.С. Ларькова, М.В. Шиловского, В.А. Кожевникова, образование Директории явилось компро-

миссом между антисоветскими силами. В тылу Директории, считали авторы, вызревало новое правительство «патриота Колчака», образ которого усиленно создавался правыми политиками. Представители военных кругов, показавшие себя в ходе Первой мировой войны, как защитники отечества, располагая к себе население патриотическими лозунгами. На Директорию нажимали и «слева» и «справа»: слева теснила Красная Армия, а справа - оппозиционная военная верхушка. В. Чернов, отмечал Г.А. Трукан, не смог противостоять Н.Д. Авксентьеву, возглавившему Директорию⁴¹.

Популярность режима снижалась еще и потому, что властям приходилось прибегать к насильственным мобилизациям, конфискациям лошадей, фуража. Властные структуры антибольшевистского сопротивления, подчеркивали Г.А. Трукан, Н.С. Ларьков, А.В. Добровольский и М.В. Шиловский, оказались слабо укорененными в провинции, основная часть населения Урала оставалось летом 1918 г. в стороне от военно-политических баталий. Борьба за лидерство к концу лета 1918 г. привела к размыванию основы компромисса временных правительств. В рядах антибольшевистских сил концентрировались монархисты, анархисты, представители национальных движений и непролетарских партии и объединений, что осложняло положение. Демократия, по мнению авторов, рухнула не только под воздействием объективных обстоятельств и военных усилий Красной Армии, а погибла изнутри, была подорвана с тыла⁴².

Исследователи подчеркивают постепенное превращение армии в субъект политики. В условиях неустойчивости и многообразия правительственных объединений, это не предвещало стабилизации положения. Властям приходилось отказываться от принципа добровольности при формировании воинских частей. По данным Г.А. Тукана к осени 1918 г. на фронте Комуч имел 22 тысячи солдат и офицеров, из них - 5,5 тыс. чехов, добровольцев - 6 тыс., казаков - 2 тыс. и 8-9 тыс. мобилизованных. А. Дерябин писал, что к осени 1918 г. армию Комуча с помощью принудительных мобилизаций удалось довести до 30 тыс. человек. В.В. Московкин отмечает, что «демократия»

готовилась защищать свои интересы силой. Чехи добивались от Комуча объединения сил с другими правительствами, но Сибирская армия, по подсчетам Н.С. Ларькова, в начале сентября составила более 60 тыс. штыков. Численность армии выросла после перехода к массовым мобилизациям⁴³. Максимум усилий для формирования Сибирской армии приложил А.И. Гришин-Алмазов. В августе 1918 г. он заявил: «При осуществлении предстоящего набора новобранцев приказываю начальствующим лицам и учреждениям приказывать, требовать, а отнюдь не просить, уклоняющихся от воинской повинности арестовывать и заключать в тюрьму для суждения по законам военного времени»⁴⁴.

Успех борьбы зависел не только от численности армии, но и от поведения населения. Многие граждане проявляли явное равнодушие по отношению к идеям демократии, во многом предопределив ее поражение осенью 1918 г. К осени 1918 г. не было реализовано ни одно из обещаний временных правительств, многие граждане усомнились в правильности занятой позиции. Положение усугублялось развалом экономических, социально-политических, национальных, религиозных и культурных связей. Начался процесс распада российской государственности: страну поделили на части временные правительства, разрушилось единое государственное, правовое, социально-экономическое и культурное пространство. Период скорее характеризовался недоверием властям, чем демократизацией общества.

В.М. Рынков, Ю.Г. Лончаков, В.С. Алексеева, А.Д. Казанчиев обратились к изучению экономической стороны деятельности антибольшевистских правительств. Одним из самых сложных для властей оказался земельный вопрос, который вылился в решение судьбы общинной и частной формы собственности на землю. Либералы поощряли развитие мелкой земельной собственности, предполагая постепенное отмирание общины. К положительным моментам в деятельности временных правительств, считают историки, можно отнести их стремление отрегулировать правовую основу отношений, прекратить самовольные захваты земли, но эти мероприятия не находили поддерж-

ки деревни. Решить аграрный вопрос летом - осенью 1918 г. властям не удалось. Социально-экономическая и политическая ситуации на территориях временных правительств продолжала ухудшаться. Авторы отметили рост безработицы, повышение цен, инфляцию, понижение уровня жизни основной массы населения⁴⁵.

Как отмечают исследователи, предлагаемый либерально-демократический уклад не соответствовал сложившейся в России традиции. Демократические силы, считает С.В. Ямщиков, не смогли учесть объективную инерцию в обществе, социальную психологию народа. Действия российской демократии шли в противоречие с образцами поведения, мышления, восприятия, воображения большинства россиян⁴⁶. Как показали исследования, демократы считали своим долгом сотрудничать с эсерами и меньшевиками, а после «докатались» до сотрудничества с буржуазией. Историки свидетельствуют, что круг российских демократов был не велик, их взгляды не понятны большинству населения России, а методы их борьбы с большевиками значительно расходились с методами меньшевиков и эсеров. Документы свидетельствуют о том, что политически активное население летом 1918 г. поддерживало демократов. Однако эсеры не раз подчеркивали, что «левые» были ближе народным низам, а правые обывателям. В результате «нравы правой оппозиции блистали внешним приличием и благовоспитанностью, которых не хватало левому «охлосу»⁴⁷.

В современной литературе нет целостного представления об уральской демократии. На Урале симпатизировали кадетам, представляющим наиболее мощное политическое объединение и имеющим видных политических лидеров. В Зауралье интерес вызывали эсеры, похожим было положение в районах Уфы и Самары. Децентрализация руководства привела к междоусобной борьбе местных властей. Будучи всегда в оппозиции режиму демократы не смогли использовать представившуюся им возможность реализовать «третий путь в революции». Главной ошибкой демократии стала политическая, идеологическая, духовная разобщенность, которая дополнялись напластованием

разнородных интересов интеллигенции центра и регионов. Усилившиеся в период войны и революции миграции, наплыв переселенцев из центральной России на Урал и в Зауралье, еще более дестабилизировали положение. Ситуация осложнялась тем, что демократы опирались на чехов, которые воспринимались, как чужестранцы в провинциальной России. Пропаганда чехов об их искреннем стремлении утвердить демократию в России население не доверяло.

Демократия признается современными историками как реальность третьего пути в революции, которую нельзя не замечать. «Демократы» освободились от монархических иллюзий и говорили о возможности самореализации личности в рамках правового демократического государства. Их идеалом были западные державы. Демократия видела опору в среде среднего слоя российского общества, который не смог оказать ей должной поддержки. В движении, возглавляемом демократами, возобладали стихийность и хаос, а не законность в интересах большинства трудящихся граждан, как это обещали либеральные лидеры. Это привело к приоритетам твердой руки и сильной власти, которую реализовали военные во главе со своим диктатором.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Спирин Л.М. Историография борьбы РКП (б) с мелкобуржуазными партиями в 1917-1920 гг. // Вопросы истории КПСС. 1966. №4. С.101-108; Плотникова М.Е. Советская историография гражданской войны в Сибири (1918- первая половина 1930-х гг.). Томск, 1974; Васильковский О.А., Тертышный А.Т. Современная историография истории Урала периода гражданской войны (1918-1920). Свердловск, 1984. С.52-57 и др.

² Буревоу К. Колчаковщина. М., 1919; Он же. Распад 1918-1922. М., 1923; Раков Д. Ф. В застенках Колчака. Париж, 1920; Лебедев В. Борьба русской демократии против большевиков. Нью - Йорк, 1919; Климушкин П.Д. Гражданская война на Волге. ЧП. Ликвидация демократии: Воспоминания // Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1996. С.77-116;

³ Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России. 1914-1920. Париж - Прага, 1928. С.60.

⁴ Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. М. - Самара, 1933; Алексеев В. Восстание главнокомандующего Муравьева. Сталинград, 1936; Хрулев В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940; 1918 год на родине Ленина. Куйбышев, 1936.

⁵ Кроль Л.А. За три года. Воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток, 1922. С. 191.

⁶ Гоппер К. Четыре катастрофы. Воспоминания. Рига, 1920. С.76-77.

⁷ Аргунов А.А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919; Авксентьев Н.Д. Государственный переворот Колчака: Гражданская война в Сибири и Северной области: Мемуары. М. - Л., 1927; Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18. 11. 1918: Сб. документов / Под ред. В. Зензинова. Париж. 1919; Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. Новониколаевск, 1925 и др.

⁸ Допрос Колчака: Подлинные протоколы допросов адмирала А.В. Колчака и А.В. Тмиревой // Отечественные архивы. 1994. №6. С.21-58.

⁹ Зайцев А.А. 1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны. Париж, 1934. С.7.

¹⁰ Головин Н.Н. Российская контрреволюция. Калифорния, 1937. Ч.III. Кн.7. С. 99.

- ¹¹ Там же. Ч.IV. Кн. 8. С. 146-147.
- ¹² Там же. С. 83, 96, 101.
- ¹³ Там же. Кн. 9. С.69.
- ¹⁴ Там же. Ч. III. Кн. 7. С. 149.
- ¹⁵ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Париж, 1964. Вып.2. С.84-85.
- ¹⁶ Он же. Красный террор в России. 1918-1923. М., 1990.С.3.
- ¹⁷ Какурин Н. Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. I. С. 194.
- ¹⁸ Там же. С. 53; Он же. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. М.; Л., 1928. С.41.
- ¹⁹ Там же. С. 8.
- ²⁰ Какурин Н. Как сражалась революция. М.;Л., 1925. Т.I. С.48; Анишев А. Очерки истории гражданской войны. 1917-1920 гг. Л., 1925. С.244; Корнатовский Н. Основные этапы развития восточной контрреволюции // Колчаковщина: Из белых мемуаров. Л., 1930. С.3-19 и др.
- ²¹ Владимиров В. Год службы социалистов капиталистам. М., 1927. С.326-327, 366-367; Соколов А. Колчаковщина // Колчаковщина. Екатеринбург, 1924. С.25.
- ²² Там же. С. 372.
- ²³ Майский И. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1922. С. 308.
- ²⁴ Там же. С. 303-306.
- ²⁵ К образованию Всероссийской власти в Сибири (Из дневника П. В. Вологодского: 8 сентября-4 ноября 1918) // Отечественная история. 2000. № 1. С. 142.
- ²⁶ Майский И. Указ. соч. С. 319, 348.
- ²⁷ Лисовский П. На службе капитала. Эсеро-меньшевистская контрреволюция. Л., 1928.
- ²⁸ Таняев А. Колчаковщина на Урале. М., 1930; Тунтул И. Колчаковское прикрытие/Уральский рабочий. 1920. 15 июля; Силлинг Р. Временное областное правительство Урала // Уральский коммунист. 1929. № 9. С. 23-31; Ослоновский А., Орлов А. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. Свердловск, 1928. С.64; Баранов А. Октябрь и начало гражданской войны на Урале. Свердловск, 1928; Быков П. Красная Армия в борьбе за Урал. Свердловск, 1928.
- ²⁹ Вегман В.Д., В. Г. Болдырев и его воспоминания // Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. Новоиколаевск, 1925. С. 7; Он же. Как и почему пала Советская власть в Томске //Сибирские огни. 1923. №1-2. С. 147; Он же. Областные иллюзии, рассеянные революцией //Сибирские огни. 1923. № 3. С.89; Он же. В Сибири ужасы и смерть //Сибирские огни. 1925. №1. С. 46-53.
- ³⁰ Евсеев Н.Ф. О прошлом и настоящем оренбургских казаков. Самара, 1929; Попов Ф. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. Куйбышев, 1937; Он же. Дутовщина: Борьба с казачьей контрреволюцией в Оренбургском крае. М., 1934; Петров С.М. Борьба с дутовщиной. Челябинск, 1937 и др.
- ³¹ Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980; Непролетарские партии в России в 1917 г. и в годы гражданской войны. М., 1980; Большевики и непролетарские партии в период Октябрьской революции и в годы гражданской войны. М., 1982 и др.
- ³² Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965; Веселы Индржих. Чехи и словаки в революционной России. 1917-1920 гг. М., 1965; Данилов В.А. Интернационалисты на Урале и в Сибири, Свердловск, 1972; Антисоветская интервенция и ее крах. М., 1987.
- ³³ Плотникова М.Е. Роль «Временного Сибирского правительства» в подготовке контрреволюционного колчаковского переворота в Сибири // Сб. научных работ исторических кафедр ТГУ. Томск, 1964. Т. 164, С. 51 - 67; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционно-наризма к контрреволюции. М., 1975; Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975. Кн. 1; Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; Думова И.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982 и др.
- ³⁴ Гражданская война и иностранная военная интервенция на Урале. Свердловск, 1969. С. 201-207; Запольская В.М. Контрреволюционная сущность социально-экономической политики белогвардейских властей на Урале, конец мая - середина ноября 1918 г. // Из истории уральских и сибирских организаций. Вып. 7. Свердловск, 1973. С.165-169.
- ³⁵ Капцугович И.С. Прикамье в огне гражданской войны. Пермь, 1969; Он же. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975. С. 165.
- ³⁶ Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. М., 1957; Васковский О.А. К вопросу о позиции мелкобуржуазных партий на Урале в период борьбы за укрепление Советской власти // Наш край: Материалы 5 Свердл. обл. краевед. конф. Свердловск, 1971. С.114; Васковский О.А., Тертышный А.Т. В.И. Ленин и проблема банкротства мелкобуржуазных партий на Урале в период гражданской войны // Историография истории Урала переходного периода, 1917-1937 гг. Свердловск, 1985. С.70; Они же. Современная историография истории Урала периода гражданской войны. Свердловск, 1984. С.55-56; Революция защищается, Свердловск, 1989.
- ³⁷ Юрченко В. Мятеж, которого не было // Родина. 1994. №1. С.31; Ларьков Н.С. Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны - летом 1918 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2, С. 24. Константинов С.И. Новое о борьбе за Урал в июне-июле 1918 года // История советской России: новые идеи, суждения. Тюмень, 1993. Ч.1. С. 36.

³⁸ Васильченко С.П. Временное областное правительство Урала: структура и политика // История советской России: новые идеи и суждения: Тез. докл. и сообщ. Тюмень, 1991. Ч.1. С.62-64; Сичинский Е.П. Опыт поиска «третьего пути»: Из истории Временного областного правительства Урала // Методология, историография и источники изучения исторического опыта регионального развития: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Свердловск. 1990. С. 11-114; Он же. Из истории Временного областного правительства Урала (К вопросу о третьем пути) русской революции // История СССР. 1992. №1. С. 167-172 и др.

³⁹ Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000. С.33; Морозов В. К вопросу об экономической политике комитета членов учредительного собрания и совнархозах // Земский сборник. Самара. 1996. Вып.3; Журавлев В.В. Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917-ноябрь 1918 г.): от «автономной Сибири» к «возрожденной России» // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. Вып. 1. С. 3-30.

⁴⁰ Шиловский М.В. Первый премьер-министр Сибири (П.В. Вологодский) // Сибирская старина. 1993. С.2-4; Он же. Временное Всероссийское правительство (Директория) // Электронный вариант журнала «Сибирская записка». Сибирское отделение РАН. Новосибирск, 1999; Ларьков Н.С. Военный министр белой Сибири // Сибирская старина. 1994. №4. С.30; Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997; Тормозов В.Т. История белого движения глазами «демократической контрреволюции» // Личность, общество, власть в истории России: системный, корпоративный анализ: Материалы третьей науч. конф. М., 1998. С.227-231.

⁴¹ Трукан Г.А. Указ. соч. С.40-42, 50; Ларьков Н.С. Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны - летом 1918г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1996, № 2. С. 25-26, 33-36; Он же. Омский правительственный кризис в начале сентября 1918 года // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. Вып.1. С. 54-64; Добровольский А.В. Всесибирский краевой комитет партии эсеров в период «демократической контрреволюции» (июнь-октябрь 1918 г.) // Исторический ежегодник 1997. Омск, 1999. С.76-84 и др.

⁴² Шиловский М.В. Новониколаевск как столица «белой» Сибири (К истории Западно-Сибирского комиссариата) // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. Новосибирск, 1997. С. 103-105; Он же. Омские события последней декады сентября 1918 г. // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск. 1993. С.31-32; Ларьков Н.С. Омский правительственный кризис в начале сентября 1918 г. // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 1. Новосибирск, 1997. С. 54-64; Московкин В.В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период колчаковщины // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 1998. Вып.2. С.26 и др.

⁴³ Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000. С. 40-42, 50; Ларьков Н.С. Рождение Сибирской белой армии // История советской России: новые идеи, суждения. Тез. докл. второй респ. науч. конф. Тюмень, 1993. Ч.1. С.35; Он же. Начало гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть, Томск, 1995. С. 99, 130-131; Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны (1917-1922). М., 1996; Ципкин Ю.Н. Белое движение в России и его крах (1917-1922). Хабаровск, 2000; Дерябин А. Белые армии от Волги до Тихого океана. М., 1994.

⁴⁴ ГАОПОТО. Ф. 1545. Оп. 1. Д.4 9. Л. 6.

⁴⁵ Алексеева В.С. Денежное обращение в годы гражданской войны // Проблемы истории Сибири: общее и особенное. Новосибирск, 1990. С. 72-77; Калягин А.В., Парамонов В.П. «Третий путь» в гражданской войне (опыт деятельности самарского Комуча). Самара, 1995; Казанчиев А.Д. Кооператоры и торговопромышленники в Уфимской губернии в период гражданской войны // История «белой» Сибири. Тез. 4-й науч. конф. Кемерово, 2001. С. 152-155; Мишенин С.Е. Экономика меньшевистской Сибири как многоуровневая система // Там же. С. 149-151 и др.

⁴⁶ Ямшиков С.В. Социокультурные и психоментальные доминанты гражданской войны // Гражданская война и культура. М., 1996. С. 16.

⁴⁷ Протоколы заседаний ЦК партии эсеров (июнь 1917 - март 1918) с комментариями В.М. Чернова. Вступление Ю.Г. Фельдштинского, Г.И. Чернянского // Вопросы истории. 2000. №7. С. 24.